

Публикация «Версии» К. Я. Яковлева «Царь в колпаке юродивого» в двух номерах журнала «Брега Тавриды» - 4-5-6 98 (в дальнейшем [1]) и 1-2 99 (в дальнейшем [2]) способна смутить и взволновать. Неужели мы стали свидетелями неслыханной сенсации?

История отношений А. С. Пушкина с будущими декабристами, с движением в целом, находившимся в сложном, противоречивом и не поддающемся однозначному толкованию периоде становления, не может считаться абсолютно ясной, поскольку многое безвозвратно утеряно в неумолимом ходе времени, многое исчезло под влиянием катастрофического характера последствий 14 декабря 1825 года, многое, видимо, сознательно переименовано некоторыми участниками и свидетелями событий.

Однако существует немало исследований, затрагивающих эту проблему. Существует история вопроса, которая должна быть предпослана научной работе (правда, для того, чтобы исполнить это простое требование, необходимо приложить нешуточные усилия, ибо добросовестный исследователь должен проанализировать работы предшественников, чтобы обосновать свою опору на них или своё несогласие с ними). Однако данная публикация не дает возможности понять, знаком ли её автор с историей вопроса. Не допуская, в соответствии с презумпцией невиновности, по этому первому признаку подозрений в некомпетентности, читатель должен предположить, что излагаемый в «Версии» К. Я. Яковлева материал убедителен и бесспорен настолько, что позволяет полностью игнорировать всё, что было сделано в данной области ранее. Даже одного этого соображения достаточно, чтобы настроиться на сенсацию.

Действительно, в пушкиноведении существует область, где сенсации возможны, – если речь идет о нахождении неизданных или неизвестных пушкинских произведений. Вероятность обнаружения донныне не известных рукописей поэта ничтожно мала, а вот возможность найти в забытых журналах статьи или заметки, написанные гением русской литературы в ранней юности и не подписанные его настоящим именем, кажется более реальной.

Конечно, такая работа требует огромного упорства и усилий самой кропотливой тщательности. Кроме того – и безусловной отваги: пушкинистика наука строгая, ничего не берет на веру, ревниво и придирчиво проверяет все находки и сенсации.

Надо отдать должное трудолюбию и отваге К. Я. Яковлева. Находясь в почти непреодолимом отдалении от основных хранилищ необходимых исторических и литературных источников, он с замечательным упорством занимался разысканиями, результаты которых время от времени появлялись в крымской печати.

Несколько заметок и статей в русских журналах той эпохи, которая для Пушкина предшествовала его первой, южной ссылке, привлекли внимание исследователя близостью иногда к пушкинской фразеологии, иногда – к кругу его политических интересов. Сам по себе этот факт весьма примечателен. К. Я. Яковлев сделал из него прямой и однозначный вывод: все они принадлежат перу Пушкина.

Все ли? Точно ли так?

Современная филология располагает достаточно надежными методами текстологического анализа. Среди них – и статистические методы, и анализ структуры предложения, фразы, текста в целом. Около двух десятилетий назад Ю. М. Лотман убедительно продемонстрировал методику такого анализа, неопровержимо доказав, что стихотворный текст окончания пушкинской поэмы «Русалка», показавшийся кое-кому сенсационной находкой, - всего лишь подделка. Журнал «Вопросы литературы», в то время весьма настороженно относившийся к структурализму, опубликовал статью Лотмана с той степенью доверия, с какой, например, искусствоведы обращаются к рентгенологам для проверки подлинности картины или предлагают химикам на анализ

микропробы краски и холста. Дело кропотливое, громоздкое, зато уж возможность ошибки сводится к минимуму.

Ничего в этом роде мы не находим у К. Я. Яковлева. В отношении текстового анализа он, увы, выглядит дилетантом, храбрость которого прямо пропорциональна его неосведомленности. Является ли определенное выражение несомненно принадлежащим данному автору, или же это фразеологизм, которым в определенную эпоху пользовались все сторонники определенных взглядов? Кажется, исследователь ни разу и не задавал себе подобного вопроса.

В результате некоторые обстоятельства остаются непроясненными.

Так, фельетон «Московский бродяга», принадлежащий, по мнению К. Я. Яковлева, перу Пушкина, действительно обладает рядом черт, позволяющих допустить такую возможность, однако исследователь как раз и не обращает на них внимания. Само название фельетона требует комментария. Такого словосочетания в канонических пушкинских текстах нет. По крайней мере, Словарь языка Пушкина не дает оснований считать это выражение пушкинским. Словарь указывает два основных значения, в которых Пушкин употреблял слово бродяга: «Человек, кочующий с места на место, скиталец» и «Бездомный, обнищавший человек». Второе значение, разумеется, не присутствует в названии фельетона, но и первое кажется не совсем обычным для обозначения завсегда светских салонов, решившегося поразмыслить о животрепещущем событии в культурной жизни - выходе в свет «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Правда, с помощью того же словаря можно отыскать, пожалуй, единственное у Пушкина употребление слова бродяга в сходном контексте - в «Послании к Галичу», напечатанном впервые в «Российском музее» в 1815 году (№ 10 - 11). Там «парнасским бродягой» назван «милый остряк», «друг мудрости прямой» - «добрый Галич», к тому времени уже прекративший преподавание в Лицее.

Если фельетон «Московский бродяга», напечатанный в «Сыне Отечества» № 23 за 1818 год, действительно принадлежит перу Пушкина, то в этом тексте можно увидеть свидетельство молодости автора, некоторой его неуверенности, связанной с недостаточностью опыта в написании прозы, тем более критической прозы. Хотя автор фельетона называет себя «бродягой», подчеркивая тем самым собирательность своих впечатлений, он пересказывает услышанные в салонах толки о произведении Карамзина как единый разговор. Перед нами скорее немного принужденно скомпонованная маленькая сценка, чем критическая статья. Это более объяснимо для писателя, поэта, чем для журналиста-критика.

Некоторые наблюдения, мысли, выражения фельетона «Московский бродяга» можно посчитать именно пушкинскими, можно найти, кроме указанных К. Я. Яковлевым, и другие примеры из текстов пушкинских прозаических набросков, которые наведут на мысль о кровном родстве. Да и главная мысль фельетона - восхищение благородными трудами Н. М. Карамзина, - несомненно, очень близка к известным пушкинским позициям. Впоследствии, возмужав, он найдет чеканные определения деятельности великого историка: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка - Колумбом ... Повторяю, что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Но это будет написано в будущем. А в 1818 году, видимо, был создан критический набросок 19-летним юношей, который еще не решался самостоятельно оценить значение великого труда и, кроме того, был поражен тем, насколько мало людей вообще способны это сделать: «Есть ли у нас читающая публика в точном и обширнейшем смысле? Держит ли она весы мнения? Могут ли они установиться точно и правильно?»

Однако окончательное заключение о принадлежности статьи «Московский бродяга» перу А. С. Пушкина всё же требует гораздо более тщательного текстологического анализа, который должен быть методологически безупречен.

Но если пристрастные и дотошные исследователи скажут свое веское «да», то из этого будут следовать два очень разнозначных вывода.

Во-первых, К. Я. Яковлев будет, конечно, вызывать почтительное восхищение, поскольку значение такой находки невозможно переоценить. Тогда текст фельетона может стать основой для новых филологических исследований уже как бесспорное произведение Пушкина, поможет доказательству или опровержению иных гипотез и построений - начнет свою самостоятельную жизнь в пушкиноведении.

Во-вторых, если этот текст будет признан подлинно пушкинским, то это нанесет удар по работе К. Я. Яковлева в целом, причем удар весьма сокрушительный.

Не надо быть профессиональным пушкиноведом, чтобы увидеть разницу между фельетоном «Московский бродяга» и напечатанными раньше него в том же «Сыне Отечества» статьями, например, «О состоянии иностранных крестьян» и «О Конституции». Первая из них подписана «N.N.», вторая - лицейским профессором Куницыным. Стиль обеих статей заметно отличается от стиля «Московского бродяги». Это сжатая, энергичная публицистика. Принадлежат ли обе эти статьи одному автору - отдельная проблема. Однако К. Я. Яковлев ничуть не сомневается: их автор - тоже Пушкин.

Здесь уровень его суждений способен вызвать удивление. Например, относительно подписи под первой статьей. Она максимально безлична - этого Яковлев не отрицает. Условное обозначение «всех и каждого» как «N.N.» встречалось у множества современников Пушкина - с этим он тоже не спорит. Но, оказывается, необыкновенно важен тот факт, что «эта аббревиатура имела для Пушкина особый интимный смысл. Ею он обозначил в своем «дон-жуанском» списке Е. П. Бакунину» [1, с. 152]. Помилуйте! Сакраментальный список будет вписан в альбом Елизаветы Ушаковой спустя 11 лет; по мнению большинства исследователей, этот список - всего лишь салонная шутка. Однако К. Я. Яковлев делает из этого обстоятельства совершенно нешуточные выводы: «Появление псевдонима «N.N.» - это важный факт творчества Пушкина и косвенное признание им ошибочности его отречения от «Цитеры»» [1, с. 153].

Бог знает что получается: что Пушкин раздумал отречься в поэзии от любовной тематики, решив через 11 лет, в будущем, обозначить ничего не значащими буквами свою первую любовь, Бакунину, - и мы должны именно поэтому поверить, что это он написал и подписал означенными буквами горячую политическую статью против крепостничества.

Улавливаете логику? Нет? Мы тоже.

Был ли автором упомянутой статьи «О состоянии иностранных крестьян» Куницын, как считает авторитетный пушкиновед Б. В. Томашевский?

К. Я. Яковлев считает, что это исключено, уже на том основании, что в архиве Тургенева рукопись этой статьи носит отпечаток правки Тургенева. «Не мог опытный и авторитетный специалист, уважаемый в научном мире профессор, ни в чем, в смысле профессиональной подготовки, не уступавший Тургеневу, словно школьник, приехать к нему со своей статьёй, позволить её ему выправить, да ещё и оставить её у Тургенева» [1, с. 148]. Но именно потому, что профессору Куницыну был свойственен академический стиль, стиль лекторский, он мог выразить согласие или даже просьбу, чтобы Тургенев слегка отредактировал статью. Именно профессор, который «высоко ценил свое научное звание и в лицее заставлял учеников заучивать свои лекции слово в слово, буквально «в долбежку», как они говорили» [там же], должен был обладать повышенной требовательностью и к своим текстам. Тексты лекций шлифуются в таком случае годами. Статья была написана по горячим следам политических событий. Вполне естественно предположить, что культурный автор, опытный в дидактическом стиле, но менее опытный в стиле публицистическом, мог сам попросить друга отредактировать текст - тем более, если редактором выступал такой человек, как Тургенев. Впрочем, мы невольно вступаем на стезю домыслов, так как для более основательных суждений надо видеть сами правки, а К. Я. Яковлев их не приводит, и невозможно узнать, видел ли он их вообще.

Ещё более странное впечатление производит другой довод исследователя, направленный против идеи авторства Куницына: он говорит о необъяснимости того обстоятельства, что Куницын, подписав своим именем вторую статью, «О конституции», не подписал первую - «статью на сравнительно невинную тему» [1, с. 147]. Однако здесь явное лукавство, потому что через пару страниц первая статья характеризуется совершенно иначе: «Не случайно статья эта вызвала страшный переполох в правительственных кругах. По представлению министра просвещения князя А. Н. Голицына царь немедленно запретил все публикации в прессе о крепостном праве. Статья произвела неотразимое впечатление на читателей именно потому, что она была посвящена не просто крепостным крестьянам, а ставила проблему свободы в России вообще» [1, с. 149].

Так что же перед нами: статья на невинную тему или грандиозное явление в области политической мысли? Нынешняя публикация этой статьи в «Брегах Тавриды», признаться, вызывает у нас чувство благодарности к К. Я. Яковлеву, поскольку знакомит с явлением действительно незаурядным и незаслуженно забытым. Но возможно ли предположить, чтобы Пушкин одновременно был столь зрелым политическим мыслителем в свои 19 лет, чтобы написать такую замечательную статью, и столь беспечным мальчишкой, чтобы потом о ней начисто забыть и нигде никогда даже намеком не упомянуть о своем авторстве? В статье «О положении иностранных крестьян» есть ряд мест, свидетельствующих о том, что её автор не только блестяще знает существо вопроса из соответствующей литературы, но и опирается на непосредственные впечатления, которых у Пушкина, никогда в жизни не бывавшего за границей, просто не могло быть.

Представления о личности Пушкина в этот период, о его творческом потенциале у К. Я. Яковлева вообще удивительно противоречивы. Ему приписывается зрелая мощь публицистического таланта в статье «О положении иностранных крестьян», и в то же время происхождение статьи «О конституции» объясняется необыкновенно наивно и даже пошло: «Пушкин сделал статью по материалам лицейских лекций Куницына и использовал, может быть, некоторые его идеи» [1, с. 155]. «Он, по-видимому, отправился в Лицей и упросил учителя, который воспитал его «пламень», подписать его статью» [там же].

Пушкин здесь же у Яковлева - и ловкий интриган: «Это был тонкий дипломатический ход: нажать на Тургенева с помощью авторитета Куницына...» [там же], и одновременно беспомощный мальчик, у которого отобрали текст стихотворения и который, вместо того, чтобы по памяти написать его заново, пускается бог знает на какие ухищрения.

Пушкин здесь - и наивный простак, которым бесстыдно играет Тургенев, и дальновидный политик, который выстраивает свои отношения с декабристами с глубокомыслием профессионального стратега, и нетерпеливый подросток, которому все надоело и который стремится «переменить компанию», и добрый ангел-хранитель декабристского движения, и злой провокатор «скандала» с Карамзиным, и недалекий идеалист, не понимающий сути декабризма...

Вот уж, поистине, «Пушкин наше всё»...

Не легче обстоит у К. Я. Яковлева дело и с декабристами.

С одной стороны, декабристское движение - это хорошо, потому что, как следует из публикации «Версии», это движение осенил своим крылом гений Пушкина, фактически его создал и им вначале весьма активно управлял. С другой стороны, декабристы - это плохо. Нельзя не умилиться простодушию исследователя, читая следующее откровение: «Союз Спасения и Союз Благоденствия были кастовыми дворянскими организациями, выражавшими интересы буржуазии и дворянства и ставившими целью тихо и любовно спасти режим от народной революции» [1, с. 133]. Так и веет разоблачительными стальными или, вернее, свинцовыми интонациями вульгарного социологизма 30-х годов. Под «народной революцией» автор, видимо, подразумевает «новую пугачевщину»,

которой действительно опасались декабристы и о которой, как известно, Пушкин отозвался с горечью: «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Декабристы действительно были дворянами, но, как известно, в понятиях марксистско-ленинской философии передовым классом считается класс, берущий на себя решение общенациональных проблем. Декабристы стремились к свержению тирании самодержавия и отмене крепостничества. Важнее этого ничего не было. Неспособность русского государства своевременно решить эти задачи обернулась цепью трагедий, которые слишком известны, чтобы их здесь перечислять.

И как противопоставлять Пушкина декабристам по классовому признаку? Он гордился своим шестисотлетним дворянством, но не презирал и иных сословий - «я мещанин, я мещанин», - говорил о себе в стихах, а в одном из писем сравнивал себя с ремесленником, озабоченным качеством товара. Мещанин - дословно - житель города, буржуа. Ремесленников так называли очень часто.

Впрочем, чтобы перечислить все противоречия и несообразности, которые содержит «Версия» К. Я. Яковлева, надо истратить бумаги гораздо больше, чем занимает его обширно произведение, поскольку оно таковыми весьма богато.

Однако «в этом безумии есть своя система». Коснувшись интереснейшего материала, К. Я. Яковлев совсем не заинтересовался им по существу. Налицо явная погоня за сенсацией, сенсацией любой ценою. При такой установке истина становится обременительной ненужностью.

Роль братьев Тургеневых в становлении движения декабристов, несомненно, заслуживает самого пристального внимания. Яковлев знает это. Но почему-то называет воспетого Пушкиным «хромого Тургенева», мечтавшего об освобождении крестьян как о самом главном событии, ради которого он был готов сделать и делал столь многое, - «серым кардиналом» декабризма, превращая его в загаочно-зловещую фигуру. Но кто же «красный кардинал»? Пушкин?

«Но увы, вольнолюбивая поэзия Пушкина запечатлела не объективную сущность декабризма, а юношеские иллюзии и заблуждения поэта, который был хладнокровно и цинично обманут Тургеневым. Строго говоря, в ней воплощены его индивидуальные черты» [1, с. 133]. Это очередное «открытие», долженствующее вызвать сенсацию, вызывает изумление прежде всего своей безграмотностью. Не верится, что написавший эти строки имеет степень кандидата филологических наук.

Со времен Аристотеля известна разница между эпосом и лирикой. Гегель различия между этими родами литературы рассмотрел с фундаментальной обстоятельностью. «Запечатлеть», или изображать, - функция эпоса. Лирика выражает мысли и чувства автора. Но если это лишь его индивидуальные мысли и чувства, чуждые его слушателям и читателям, то они остаются лишь его личным делом.

Пушкин выразил в своей ранней политической лирике взгляды декабристов - его стихи были найдены «в бумагах у всех действовавших», - как писал ему после восстания В. А. Жуковский и как это известно всем школьникам.

Были ли вольнолюбивые стихи Пушкина «воплощением его индивидуальных черт»? Как всякая лирика - несомненно. Но политические взгляды поэта формировались в общении с современниками. Лицейский профессор Куницын, о котором поэт сказал: «Он создал нас, он воспитал наш пламень», - был одним из них. Совпадение некоторых мыслей, высказанных в оде «Вольность», с рядом положений в статьях Куницына, по мнению Яковлева, должно свидетельствовать о том, что эти статьи на самом деле написал Пушкин (при этом изложив содержание законспектированных в Лицее лекций Куницына). Концы с концами не сходятся. Сенсации не получается.

Налицо явная попытка мифологизации роли юного поэта. Но убеждает она лишь в одном: в удивительной живучести отживших стереотипов, в стремлении автора перенести архетип, созданный на первых ступенях антропоцентрической культуры (юный герой, одаренный от богов сверхъестественной силой, побеждает чудовищ и закладывает основы цивилизации), - на материал, историческая конкретность которого явно не поддается столь увлекательной интерпретации.